

УДК 930.1

Т. Т. Кручковский

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы», Гродно

**ПРИЧИНЫ ОБРАЗОВАНИЯ ПОЛЬСКОГО ШЛЯХЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКОВ**

Рассматриваются причины образования польского шляхетского сословия в отражении российской историографии XIX — начала XX веков. Большинство представителей русской консервативной историографии видело данные причины в ущербном польском национальном характере и пагубном западном влиянии. Большинство либеральных историков считало его результатом исторического развития страны. Слабость польского общественно-государственного устройства русские историки усматривали в его неприспособленности к польской славянской душе, в построении его на отвлечённых принципах, попытке вовлечения в его орбиту православного русского населения.

Введение. В контексте рассмотрения причин образования шляхетского государственного устройства в Польше русской историографией XIX — начала XX веков русская историческая полонистика исследовалась только выборочно, и специального комплексного историографического исследования по заявленной проблематике не проводилось. В то же время некоторые аспекты данной проблематики истории Польши в оценке русской историографии исследуемого периода являлись объектом изучения ряда историков различных эпох [1], [2], [3], [4], [5], [6], [7], [8], в том числе и польских [9], [10], [11], [12].

Однако следует отметить, что в предшествующей историографической традиции недостаточно внимания уделялось сравнению позиций представителей различных направлений российской исторической науки по данной проблеме (имеются в виду как хронологический, так и концептуальный аспекты возможного сравнения).

Целью данного исследования в форме научной статьи является выявление и сравнение позиций представителей русской исторической науки XIX — начала XX веков по проблеме образования польского шляхетского государственного устройства. Очерченная

проблема рассматривается автором в хронологическом и идейно-концептуальном аспектах. В процессе проведения исследования и подготовки статьи автор придерживался методологических принципов объективности и историзма, использовал сравнительно-исторический и структурно-функциональный методы.

Основная часть. Проблеме сформировавшегося и действующего в Польше к XVI веку весьма оригинального общественно-государственного устройства, столь же важной и оказавшей не меньшее влияние на последующие исторические судьбы Польши, а впоследствии и многонациональной федеративной Речи Посполитой, уделялось в русской историографии XIX — начала XX веков значительно меньше внимания, чем Реформации и Люблинской унии или разделам Речи Посполитой.

Известно, что главное положение воззрения Н. М. Карамзина о том, что Россия «гибла от разновластия, а спаслась мудрым самодержавием», которое проходит через весь его трактат «О древней и новой России» и лежит в основе его «Истории», было им поддержано и во фрагментальном рассмотрении общественно-государственного устройства

Польши, которое историк сравнивал в своём описании с самодержавным устройством России. Карамзин высказывал убеждение, что преимущество монархии перед республикой заключается не только в том, что «единая, нераздельная, державная воля может блюсти порядок и согласие в обществе», но и в том, что «монархическое правление не требует от граждан чрезвычайностей и может возвышаться на той степени нравственности, при которой республики падают», доказывая это положение неоднократно на примерах польско-русского противостояния [13, с. 239—358]. Однако причины формирования шляхетского общественного устройства Польши историк не рассматривал.

Подобную позицию занял и его преемник — Н. Г. Устрялов. В статье «Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское» он, заявляя, что Великое Княжество Литовское (далее — ВКЛ) было русским государством («русское, и вера, и язык, и гражданские уставы»), считал, что слабость государственного устройства Польши заключалась в противостоянии православного элемента и католических начал Речи Посполитой [14, с. 17].

В определённой степени положение начало изменяться во второй половине XIX века. Известные русские историки Н. И. Кареев, М. К. Любавский отмечали как оригинальность польского общественно-государственного устройства, так и представляемый им интерес для исторической науки. Так, Н. И. Кареев считал, что в истории представительных учреждений, особенно при сравнении с такими же учреждениями в Западной Европе, польский сейм имеет оригинальный характер, что может быть названо своего рода исключением [15, с. 1]. Объясняется этот недостаток внимания как преобладающим в русской историографии пренебрежительным отношением к польскому государственно-общественному устройству как символу анархии и «безнарядья», так и тем, что до 80-х годов XIX века данная пробле-

матика попадала в основном в фокус внимания русской консервативной историографии (М. О. Коялович, И. П. Филевич, В. Б. Антонович и др.). Такое же отношение к польской шляхетской демократии наблюдалось и в либеральной историографии (С. М. Соловьёв, В. И. Герье, Н. И. Костомаров). Да и специально данной проблемой никто в русской историографии не занимался: оценивалось польское государственное устройство попутно с общей негативной оценкой деятельности польской шляхты на западнорусских землях [4]. Связывалось это как с общим непризнанием возможности интеграции литовско-русских земель с Польшей, так и с печальным финалом Речи Посполитой, одной из причин которого признавалось русской историографией польское общественно-государственное устройство. А также существовало убеждение русской консервативной историографии и значительной части либеральной в превосходстве российского общественно-государственного устройства, опирающегося на самодержавие и православие как народную славянскую религию.

Определённая разработка данной проблемы в русской историографии началась только во второй половине XIX века и во многом определялась состоянием изученности её в польской историографии. Русская историческая наука в отношении истории польского государственного устройства не проводила собственных исторических исследований. Даже единственная специальная работа в русской историографии, посвящённая истории польского сейма, принадлежащая Н. И. Карееву, базировалась на опубликованной источниковой базе [15]. М. К. Любавский первым в русской историографии поднял вопрос истории литовско-русского сейма, который, по его мнению, развивался, испытывая огромное влияние польского государственного устройства [16], [17], [18]. К числу русских историков, занимавшихся специально историей государственного устройства ВКЛ, а посредством этого в той или иной степени и польским

общественно-государственным устройством, следует отнести И. И. Лаппо [19], [20], М. В. Довнар-Запольского [21], Ф. Н. Леонтовича [22], [23] и др.

Формирование столь оригинального государственного устройства Польши русская историография рассматривала в двух основных направлениях: как результат исторического развития страны, в том числе и под влиянием западной цивилизации, и как результат проявления польского национального характера, потерявшего свои славянские основы под влиянием католического Запада. При этом, если в основном консервативная историография (М. О. Коялович, П. Д. Брянцев, И. П. Филевич, М. Ф. Владимирский-Буданов, Д. И. Иловайский и др.) делала основной акцент на черты польского национального характера и разрушительное влияние на него, оказанное западным латинством, то либеральная (Н. И. Кареев, В. А. Мякотин, М. К. Любавский, А. Л. Погодин и др.) считала главным фактором западноевропейское влияние, при значительной неподготовленности к нему польской почвы.

Ф. Смит, поддерживая славянофильскую теорию о двойственном характере польского народа — сарматов и славян — как одной из причин польского характера, склонного к буйству, анархии, считал что поляки «ни дать ни взять, как дети, которые, если предоставить им произвол, могут наделать себе много вреда» [24, с. 58]. Продолжая развивать данное положение, Ф. Смит утверждал, что такие черты польского национального характера, как «обилие всё подавляющего воображения, скудость смысла, необузданное свободолобие — в наибольшей степени раскрылись в XVI—XVIII в. и нашли свое отражение в польском государственном устройстве» [24, с. 30]. М. О. Коялович, говоря о своеобразном устройстве польского государства XVI века, писал, вслед за Ф. Смитом, что главная причина такого анархического состояния Польши — это неспособность поляков к государственному строительству [25, с. 148]. Д. И. Иловайский называл эту

черту польского характера отсутствием инстинкта самосохранения народа [26, с. XIII]. Подобная точка зрения имела место и в русской либеральной историографии (С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров, А. С. Трачевский).

Так, Н. И. Костомаров прямо утверждал, что склад племенного характера поляков нашёл свое отражение в польском государственном устройстве [27, с. 185]. Рассматривая свою аргументацию, либеральный историк договорился до положения о том, что Польше, в силу рабского состояния крестьянства, было вредно республиканское устройство. Это положение Костомаров оговаривал тем, что сама польская республиканская форма не была, безусловно, дурна, но её дело было predeterminedено деморализацией шляхты. Причину этой деморализации историк, в духе романтической традиции, видел в борьбе двух противоположных стихий, которые оказали столь губительное воздействие [27, с. 187].

Другая часть русских либеральных историков (Н. И. Кареев, А. Л. Погодин, М. К. Любавский), отмечая негативные черты польского характера, считала их чертами не польского народа, а шляхты, выработавшимися в благоприятных исторических условиях польской анархии XVII — XVIII веков.

М. В. Владимирский-Будаков, как и Н. Я. Данилевский, в отличие от М. О. Кояловича, П. Д. Брянцева, Д. И. Иловайского, делавших упор на природную слабость поляков, как, впрочем, и всех славян, кроме великороссов, к государственному строительству, считали основной причиной такого польского характера и «уродливого», по их словам, общественно-государственного устройства пагубное западное влияние. Н. Я. Данилевский писал, что «европейничанье» — это перенесение на польскую почву чуждых ей элементов — привело только к уродству польского славянского характера, и рассматривал в таком же плане западное влияние на польское общественно-политическое устройство. По его словам, «аристократизм, произведший в Европе вообще рыцарство... в Венгрии — её политически

развитое магнатство, столько сделавшее для промышленного преуспеяния страны и просвещения народа: в Польше же этот аристократизм обратил высшее сословие в ясновельможное панство и шляхетство, а низшее — в быдло» [28, с. 393—394]. Продолжая развивать дальше это положение, Данилевский утверждал, что «демократизм и революция, которой Европа обязана уничтожением многих злоупотреблений, многими свободными учреждениями, ... произвели в Польше только сеймики, конференции, “не позволяя”, народный жонд, кинжальщиков и жандармов-вешателей» [28, с. 394].

М. В. Владимирский-Буданов, конкретизируя это вредоносное, по его мнению, влияние, считал, что проявлением его стало введение в Польше немецкого права. Так, учёный отмечал, что если в Германии введение магдебургского права привело к расцвету городов, возвысило права городского сословия, то в Польше устранило города от общественной жизни страны, привело к разрыву сословий [29, с. 302]. Интересно, что весьма близкую точку зрения, только в отношении введения поляками магдебургского права на русских землях Речи Посполитой после Люблинской унии, высказывал известный русский либеральный историк В. О. Ключевский [30, с. 93]. Всё это говорит о живучести элементов славянофильских теорий сугубо либеральных историков второй половины XIX — начала XX веков.

Возвращаясь к положению Владимирского-Буданова о негативном влиянии немецкого права на польскую историю в целом и на формирование и функционирование польского общественно-государственного механизма, отметим общий вывод историка. М. В. Владимирский-Буданов считал, что немецкое право, ослабив княжескую власть, лишив крестьянскую общину самостоятельности, понизив права городского сословия, содействовало образованию идеи шляхетства [29, с. 300].

И. Ф. Филевич в своём противопоставлении славянских начал и губительного для него влияния немецкого права доходил даже

до положения о том, что усиление шляхты не представляло бы собой ничего плохого, если бы не было национального антагонизма поляков и немцев и отсюда противостояния между земствами и городами [31, с. 79]. Положение же о губительном для Польши усилении шляхты как доминирующего сословия решительно поддерживалось русской консервативной историографией, в том числе и самим И. П. Филевичем.

В свою очередь русская либеральная историография подчёркивала неоднозначность, на её взгляд, немецкого влияния на Польшу. М. К. Любавский считал, что подъём польского сельского хозяйства в XII—XVI веках стал возможен только благодаря немецкой колонизации, отмечая одновременно, что вместе с тем часть польских территорий было онемечена и потеряна для Польши [32, с. 447]. Н. И. Кареев обращал особое внимание на преобладание в городах немецкого элемента, который во многом способствовал изоляции городов от политической жизни страны. В результате этого шляхта смогла занять исключительное место в общественной жизни польского общества [15, с. 13].

Проблему влияния Запада на Польшу как воздействие западной цивилизации наиболее полно исследовал Н. И. Кареев. Он рассматривал формирование своеобразного польского государственного устройства как результат воздействия западной цивилизации на молодое польское государство.

Здесь, считал Н. И. Кареев, причина кроется в способе образования польского славянского государства. Специфику польской истории он объяснял из общей молодости славянской (в том числе и польской) цивилизации по сравнению с западноевропейской. Основной западноевропейской средневековой цивилизацией, по Карееву, было наследие Рима, христианство, новые народы германского племени [33, с. 12]. В средневековой Европе, писал учёный, сложился весьма своеобразный политический и экономический строй, своеобразный дуализм духовного и светского начала, центростремительной

и центробежной сил [33, с. 35]. Польша же через католичество и соседство с немцами примкнула к западному миру, хотя географически принадлежала к Востоку [34, с. 25]. Страна, принадлежа в силу политических, культурных, религиозных связей к Западу, не имела в то же время, по мнению Кареева, западноевропейской формы феодализма. Положение об отсутствии в Польше того времени феодализма в западноевропейском понимании является общим для русской историографии (В. А. Мякотин, М. О. Коялович, В. А. Бильбасов, Н. И. Костомаров и др.).

Это и определило, как считал Кареев, своеобразное складывание государственного устройства Польши: в стране происходил рост политического значения шляхты и ослабления королевской власти. Но, ослабляя её, сейм не взял на себя её функции. В результате, как считал Н. И. Кареев, получилась республика без республиканского устройства, но «с «намалёванным» королём, ни монархия, ни республика, а «безнарядье»» [35, с. 172].

Сама же шляхта, отмечал Н. И. Кареев, выросла из военного сословия, которое ещё в XV веке не имело никаких особых прав, усиление её началось при Казимире Ягеллончике. За XV век, считал историк, шляхта стала доминирующей силой в польском обществе. Особенно благоприятствовали этому три бескоролья второй половины XVI века, выпавшие на жизнь одного поколения. Шляхта, по Карееву, превратилась в отдельный класс, со своей культурой, миропониманием, напоминающим древних [15, с. 53]. В результате, считал Н. И. Кареев, XVI век стал поворотным в польской истории, когда после некоторых колебаний польская нация определила свой путь, приведший общество к культурному застою, а государство — к разделам [15, с. 83]. Данное положение было принято и в русской историографии более позднего периода. Так, А. Л. Погодин утверждал, что именно в 1573 году в Польше окончательно победила самая вредная форма управления — олигархия [36, с. 105].

Важным моментом на пути политического преобладания шляхты, отмечал Н. И. Кареев, была её борьба против католического духовенства. Борьба эта началась за два века до реформации, но в XVI веке достигла своего наибольшего накала. По мнению Кареева, именно эта борьба и питала польскую реформацию. Шляхте, считал русский историк, и здесь удалось достичь успеха, хотя и неполного: земля осталась у клира, но высшее духовенство могло занимать должности в сенате только по причине наличия земельной собственности, а значит, оно стало как бы частью шляхты [15, с. 51].

Большинство представителей русской историографии видело в польском общественном строе, его парламентаризме или полную анархию, или господство одного сословия — шляхты, но ни в коем случае парламентскую демократию, столь отличающуюся от устройства соседних с Польшей государств.

Противопоставление сейма и сеймиков Н. И. Кареев считал причиной незавершения объединения страны. Именно отсюда и положение Н. И. Кареева о конгрессивном характере польского сейма. Данное положение было взято русским историком у представителей современной ему польской историографии (А. Павиньски, М. Бобжиньски). Их определения и аргументы польских историков присутствуют и у Н. И. Кареева. Он даже даёт определение польского сейма как международного конгресса [15, с. 79]. Данное положение стало даже общим для большинства русской историографии второй половины XIX века (И. И. Лаппо, М. К. Любавский, А. Л. Погодин и др.). Так, М. К. Любавский считал, что Речь Посполитая была не единым государством, а федерацией воеводств, и после каждой новой конфедерации как бы образовывалась заново Речь Посполитая [16]. Из-за этого незавершения объединения страны Н. И. Кареев и противопоставляет сейм и сеймики уже в XVI веке.

Заключение. Рассматривая причины образования столь своеобразного польского

общественно-государственного устройства, большая часть представителей русской консервативной историографии видела их в ущербном, по их мнению, польском национальном характере и пагубном западном влиянии. Большинство же либеральных историков считало его результатом исторического развития страны (Н. И. Кареев, В. А. Мякотин, М. К. Любавский и др.).

В русской историографии первой половины XIX века изучение причин польского общественно-государственного устройства практически отсутствовало. В определённой степени положение начало изменяться во второй половине XIX века, хотя русская историография второй половины XIX — начала XX веков в изучении причин формирования польского общественного устройства не внесла существенного вклада, по сравнению с польской исторической наукой. Однако для расширения представлений в русской исторической науке был сделан огромный шаг, хотя и не во всём она смогла избавиться от существующих ранее стереотипов, выработанных публицистами славянофильской направленности.

Слабость польского общественно-государственного устройства в своём большинстве русская как консервативная (М. О. Коялович, П. Д. Брянцев, И. П. Филевич, Д. И. Иловайский и др.), так и значительная часть либеральной историографии (С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров, А. С. Трачевский и др.) видела в его неприспособленности к польской славянской душе, в построении его на отвлечённых принципах, не могущих быть воплощёнными на практике, попытке вовлечения в его орбиту русского православного населения и т. д.

Список используемых источников

1. Кареев, Н. И. Падение Польши в исторической литературе / Н. И. Кареев. — СПб. : [б. и.], 1888. — 416 с.
2. Милюков, П. Н. Главные течения русской исторической мысли / П. Н. Милюков. — М. : [б. и.], 1913. — 342 с.

3. Кручковский, Т. Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX в. / Т. Т. Кручковский // Славяноведение. — 1993. — № 5. — С. 76—85.

4. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии второй половины XIX — начала XX в. / Т. Т. Кручковский // Наш радавод. — Гродно, 1994. — Т. 7. — С. 218—417.

5. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в творчестве Н. И. Кареева / Т. Т. Кручковский, А. Н. Нечухрин // Гістарыяграфічная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь : у 2 ч. — Мн. : [б. в.], 1995. — Ч. II. — С. 116—123.

6. Кручковский, Т. Т. Уманец Ф. М. как историк Речи Посполитой / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2007. — № 2. — С. 21—27.

7. Кручковский, Т. Т. Н. И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье / Т. Т. Кручковский // Весн. ГрДУ. — 2010 — № 1. — С. 78—86.

8. Аржакова, Л. М. Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века / Л. М. Аржакова // Славяноведение. — 2010. — № 1. — С. 44—54.

9. Lowniański, H. Lelewel jako historyk Litwy i Rusi / H. Lowniański // Lelewel, J. Działa. — Warszawa : [s. n.], 1964. — Т. I. — С. 3—48.

10. Serejski, M. Europa a rozbiory Polski: Studium historiograficzne / M. Serejski. — Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1970. — 518 s.

11. Bardach, J. Problematyka polska w liberalnej historiografii rosyjskiej schyłku XIX — początku XX wieku: N. I. Kariejew / J. Bardach // Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku. — Warszawa : [s. n.], 1980. — S. 104—154.

12. Blachowska, K. Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Blachowska. — Warszawa : [s. n.], 2001. — 310 s.

13. Кручковский, Т. Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос / Т. Т. Кручковский. — Гродно : [б. и.], 2011. — 418 с.

14. Устрялов, Н. Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? / Н. Г. Устрялов. — СПб. : Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1839. — 42 с.

15. Кареев, Н. И. Исторический очерк польского сейма / Н. И. Кареев. — М. : [б. и.], 1888. — 202 с.

16. Любавский, М. К. Литовско-Русский сейм / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1900. — 850 с.

17. Любавский, М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1915. — 409 с.

18. *Любавский М. К.* Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута / М. К. Любавский. — М. : [б. и.], 1892. — 884 с.

19. *Лаппо, И. И.* Великое княжество Литовское во второй половине 16 столетия: Литовско-русский совет и его сеймик / И. И. Лаппо. — Юрьев : [б. и.], 1911.

20. *Лаппо, И. И.* Великое княжество Литовское за время заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586) / И. И. Лаппо. — СПб. : [б. и.], 1901.

21. *Довнар-Запольский, М. В.* Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма / М. В. Довнар-Запольский. — СПб. : [б. и.], 1901.

22. *Леонтович, Ф. И.* Веча, сеймы и сеймики в Великом княжестве Литовском / Ф. И. Леонтович // Журн. М-ва народ. просвещения. — 1910. — №№ 2—3.

23. *Леонтович, Ф. И.* Очерки истории литовско-русского права : Образование территории Литовского государства / Ф. И. Леонтович. — СПб. : [б. и.], 1894.

24. *Смит, Ф.* Ключ к разрешению польского вопроса, или Почему Польша не могла и не может существовать как самостоятельное государство / Ф. Смит. — СПб. : [б. и.], 1865. — 82 с.

25. *Коялович, М. О.* О разделах Польши по поводу сочинения г. Иловайского «Гродненский сейм 1793 года. Последний Сейм Речи Посполитой» / М. О. Коялович // Журн. М-ва народ. просвещения. — 1871. — Ч. 158. — С. 148—158.

26. *Иловайский, Д. И.* Гродненский сейм 1793 года. Последний Сейм Речи Посполитой / Д. И. Иловайский. — М. : Унив. тип. Катков и Ко, 1870. — 274 с.

27. *Костомаров, Н. И.* Косцюшко и революция 1794 г. / Н. И. Костомаров // Вестн. Европы. — 1870. — №№ 1—2.

28. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. — М. : Книга, 1991. — 574 с.

29. *Владимирский-Буданов, В. М.* Немецкое право в Польше и Литве / В. М. Владимирский-Буданов. — СПб. : [б. и.], 1868. — 302 с.

30. *Ключевский, В. О.* Курс русской истории: в 9 т. / В. О. Ключевский. — М. : Мысль, 1988. — Т. 2.

31. *Филевич, И. П.* Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. М. : Унив. тип., 1894. — 104 с.

32. *Любавский, М. К.* Книга для чтения по истории средних веков / М. К. Любавский ; ред. П. Г. Виноградов. — СПб. : [б. и.], 1899. — 587 с.

33. *Кареев, Н. И.* Введение в курс истории средних веков / Н. И. Кареев. — СПб. : [б. и.], 1886.

34. *Кареев, Н. И.* Главные обобщения всемирной истории / Н. И. Кареев. — СПб. : [б. и.], 1903. — 176 с.

35. *Кареев, Н. И.* Новейшая польская историография и переворот в ней / Н. И. Кареев // Polonica. — СПб. : [б. и.], 1905. — С. 132—208.

36. *Погодин, А. Л.* Очерк истории Польши / А. Л. Погодин. — М. : [б. и.], 1908. — 132 с.

Материал поступил редакцию 18.02.2013 г.

In this article the author considers the reasons of formation of a shlyakhetsky state system in Poland in an assessment of the Russian historiography of XIX — the beginnings of the XX centuries. In such context the Russian historical полонистика was investigated only selectively and special complex historiographic research on the perspective declared by us wasn't conducted. Considering the reasons of formation of a peculiar Polish state system the majority of the Russian conservative historiography saw them in defective, in their opinion, the Polish national character and harmful western influence. The majority of liberal historians considered it as result of historical development of the country.